

РОССИЙСКАЯ ОБЩНОСТЬ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе*

Л.М. ДРОБИЖЕВА

Культурная сложность становилась вызовом для полиэтнических обществ даже в давно установившихся демократиях. Об этом говорят дискуссии о мультикультурализме, убийства на этнической почве в США и Европе, сожженные машины и этнополитические темы на выборах во Франции, Австрии, Германии. В России, казалось бы, этнокультурная сложность не увеличилась. В СССР русские составляли 51% населения, теперь по Всероссийской переписи 2010 г. русских в России – 80,9% (в 2002 г. – 80,64%); и список народов, насчитывающих более миллиона человек, не увеличился. Но дело в том, что этносоциальные и политические проблемы появляются не только из-за «бунта» этнических меньшинств, но и из-за самочувствия большинства.

В статье мы постараемся показать ресурс тех установок в общественном сознании, идеологем и законодательных норм, которые могут обеспечивать межнациональное согласие в российском обществе и баланс нетерпимости – негативных установок, идей и этнополитики, которые способны провоцировать межнациональную враждебность. В статье показано, как этот баланс меняется в связи с общим социально-политическим климатом в стране.

Основным источником для анализа являются результаты общероссийского социологического исследования «20 лет реформ глазами россиян», проведенного Институтом социологии РАН в апреле 2011 г.¹, данные социологических исследований в республиках Российской Федерации (Башкортостане, Татарстане и Саха (Якутии)), проведенные по сопоставимой программе в 2011–2012 гг.² и материалы Европейского социологического исследования 2008 и 2010 годов³.

Ключевые слова: межнациональное согласие, межнациональные отношения, толерантность, межэтнические установки, межэтнические ориентации, граждан-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества», номер проекта 11-03-00054а.

¹ Исследование проведено Институтом социологии РАН под руководством М.К. Горшкова при поддержке Фонда им. Ф. Эберта. Размер выборки во всех территориально экономических районах страны, в Москве и Санкт-Петербурге 1750 чел. в возрасте 18 лет и старше. Автор отвечала за раздел исследования «Российская и этническая идентичность и межэтнические отношения».

² Исследования проведены Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, руководитель Л.М. Дробужева, совместно с исследователями из республик. Выборка – репрезентативная для населения республик старше 18 лет с учетом национальности и типа населенного пункта. Объем выборочной совокупности – 1000–1214 чел. в каждой республике.

³ Европейское социологическое исследование проводилось в 2008 и 2010 гг. в 30 европейских странах. В России проводится Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), ответственный за реализацию в РФ А.В. Андреев. Автор является одним из участников исследования. Размер выборки по России из 134 тыс. населенных пунктов составил 2437 человек.

ская идентичность, этническая идентичность, российская нация, ресурс согласия, баланс нетерпимости, порог толерантности, интолерантность, межэтническая враждебность

После митинга на Манежной площади в 2010 г. с участием националистов Д.А. Медведев провел специальное обсуждение на Государственном совете, где заявил, что «без гражданского мира, межнационального, межконфессионального согласия в нашей стране «невозможно само развитие государства» [Медведев 2010]. А когда в начале 2012 г. этничность стала очевидным способом борьбы за власть и влияние и прошли акции несогласных, В.В. Путин вторую программную статью посвятил «национальному вопросу» [Путин 2012].

Использование эмоциональных чувств людей, связанных с их национальностью, в политическом поле выборов в Государственную Думу, а затем выборов Президента России обострило идеологические дискуссии вокруг смыслов, вкладываемых в понимание нашего государства как многонационального или национального, также как и в его наименования – Россия, Российского или Русского. В настоящее время дискутируется понимание «государства» как моноэтнического, мононационального или многонационального, как сказано в Конституции 1993 года. Связано это отнюдь не только с разным толкованием «нации» – как гражданской, политической общности или в понимании ее в этнокультурном значении. В конце концов, такое разное понимание есть и в других странах: Испания – нация наций, а во Франции «нация» – политическая гражданская общность. Автор статьи разделяет понимание «народа», «нации» (гражданской и этнокультурной), «этноса» как воображаемой общности. Но поскольку представления о них у людей окрашены слишком эмоционально, то естественно, что в разной мере это вызывает чувство привязанности и безразличия к их восприятию в обществе, среди других людей. Понятно, что законодательное, правовое и общественное признание или непризнание и статусное позиционирование людей разных национальностей для них весьма значимо. Поэтому оставить в законодательном пространстве (Конституции) признание «мы – многонациональный народ» России или ввести определение «государствообразующий народ», безразлично для многих людей: именно оно будет восприниматься как ориентация в политике, власти, государства.

В силу дискуссионности значимости этничности в современном модернизирующемся обществе и политической актуальности ряда понятий, используемых в статье, предварим анализ темы некоторыми пояснениями. Часть ученых в России и на Западе говорят о целесообразности «неназывания» терминов, связанных с этничностью [Расизм в языке социальных наук 2002, с. 57 и др.], призывают не определять этническую принадлежность и вообще меньше говорить и писать об этом. Другие считают лучшим наоборот не умалчивать этничность людей, что может оцениваться как проявление дискриминации, вскрывать проблемные ситуации. Так Т. Петтигрю и Р. Меертенс, учитывая, что респонденты в обществах, осуждающих этнические предубеждения, предпочитают не отвечать искренне на прямые вопросы, отражающие их межэтнические установки, предлагают вводить индикаторы, способные выявить так называемые «вежливые формы» предрассудков (нежелание выделять средства для специальной помощи меньшинствам, принимать граждан из среды иммигрантов и т.п.) [Pettigrew 2001, Meertens 2001, p. 299]. Авторская позиция состоит в том, чтобы в повседневном дискурсе поддержать ученых первого направления, но в науке также важно вскрывать проблемные си-

туации, и в этом мы поддерживаем второе направление: в этом случае от употребления этнических наименований не уйти.

Порой, для того чтобы быть понятыми в широкой общественной среде, нам приходится говорить на языке, устоявшемся в междисциплинарной аудитории. Так, если говорить на языке, принятом в международном научном сообществе, то в данной статье надо использовать термин «межэтническое согласие», ибо речь идет о характере взаимодействия людей, отличающихся этнической культурой. Но понятие «этничности» малознакомо, кроме как для социологов и этнологов, и редко используется в повседневной практике и даже в среде гуманитариев. К тому же оно многозначно – в Великобритании, например, как пишет Э. Гидденс, «на практике... понятие этническая принадлежность чаще всего ассоциируется с группами, составляющими меньшинство населения» [Гидденс 2001, с. 222]. Поэтому в статье мы используем термин «межнациональное согласие», имея в виду согласие в отношениях между людьми в поликультурном пространстве.

Предвыборная статья В.В. Путина названа «Россия: национальный вопрос», хотя автор не раз говорил о нации как о российской, т.е. государственной общности⁴ [Путин 2012], и начинается она с констатации реальности роста «межэтнической... напряженности». Мы используем определение «межнациональное согласие» в силу того, что в отечественной практике в массовом сознании за термином «национальность» закрепилось именно этническое содержание. К тому же это определение, статусно не разделяющее людей (ведь исторически недавно у нас еще сохранялось деление на нации и народности).

Что касается используемого нами термина «согласие», то речь идет о толерантности в полиэтничном обществе. Но термин «толерантность» в русском языке переводится как «терпимость», оно имеет негативную коннотацию, поэтому мы используем принимаемый всеми термин «согласие». Хотя как исследователь, автор считает важным сохранить понятие «толерантность» в научном и публичном пространстве. Вместе с тем «согласие» означает не только толерантность, то есть готовность принять «других» такими, как они есть (ограничителем станет только признание инаковости вне рамок закона) и взаимодействие с ними: в понятие «согласие» входит и некий объем общих, сходных представлений, основных целей в поле действий.

В мировой социологии, еще со времен исследований Адорно [Adorno 1950], считается доказанным, что благоприятный или неблагоприятный тип отношений между людьми различающейся культуры, характеризует в целом состояние общества. Эти отношения зависят от многих факторов – истории взаимодействия, социальной структуры контактирующих групп, ее изменения (равенство-неравенство, социальная дискриминация, возможности социального роста), от сходства культур, от политического устройства общества, от государственной политики по отношению к большинству и этническим меньшинствам, наконец, от психологических факторов и конкретных ситуаций; и значимость действия этих факторов меняется в тех или других обстоятельствах.

2011 – начало 2012 г. в России было периодом, когда политическая активность актуализировала этничность. Мы постараемся показать, каким оставался ресурс согласия в этой ситуации, как менялся баланс нетерпимости и какой эффект имели действия правительства по регулированию межэтнических отношений.

⁴ В Послании Президента РФ Федеральному собранию в 2007 г. понятие «нации» в значении государственной общности упоминалось 18 раз.

Потенциал согласия

Как показывают исследования Института социологии РАН, этническая идентичность оставалась одной из самых широко распространенных: 89–90% респондентов ощущали связь с людьми своей национальности и в 2004 г. и в 2011г⁵. По данным Европейского социального исследования (ESS) 2010 г., такую связь ощущали также более 80%. Этническая идентичность сопоставима с идентификацией по профессиям и немного уступает поколенческой. Она чуть выше в старших поколениях, в больших городах и несильно отличается по социальным стратам. Но для общества важна значимость этничности. Актуальность этнических чувств была вполне очевидной (рисунки 1а, 1б).

Рисунок 1а. Актуальность этнической идентичности

Как видим, особенно актуализированной этничность оказалась в районах с доминирующим русским населением. Если даже допустить влияние эмоций в ответах на эти вопросы, данные подтверждаются высокой долей людей, ощущающих сильную связь с людьми той же национальности. А таких респондентов по опросам 2004–2011 гг. насчитывалось примерно половина (47% и 51% соответственно). Причем, в республиках, где, казалось бы, русским приходится чаще ощущать социально-культурные различия, актуализация этничности отнюдь не выше. Это означает, что, видимо, не различия в культуре являлись главным в актуализации этничности русских. В этом процессе много составляющих: еще живо поколение, которое было свидетелем распада Союза (14% в 2011 г. оценили его как «катастро-

⁵ Напомним, что исследования Института социологии РАН, материалы которых мы анализируем, проведены в регионах преимущественно с русским населением, и исследования по сопоставимой программе проводились в 1994, 2001 и 2004 гг., поэтому во многих случаях есть возможность сравнений.

фу мирового значения» и 36% – как «беду для многих людей»), которое вспоминает национальные движения в республиках, 39% представителей этого поколения считает, что они многое потеряли за последние 15–20 лет, помнят статусное положение «старшего брата» в советском обществе. И хотя для большинства это положение было символьным и многих точила обида за свое реальное положение, все же, как писал в советские времена Е. Евтушенко, беднякам это компенсировало их положение: «Хоть босяк, ну а все же русак». В условиях конкурентной экономики, когда человеку приходится повседневно заботиться, чтобы не быть «выбитым из седла», символьная политика приобретает особенное значение. Не случайно ведь в западных обществах придумывали политики плавильного котла, мультикультурализма, «свободной культуры». А Россия в 1990–2000-х гг. проходила как раз период высокого притока мигрантов (она была на втором-третьем месте после США и ФРГ). Этот приток русские, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, других крупных городах переживали острее, чем люди иных национальностей.

Человеку нужно ощущать себя частью своей национальности
(согласие с ответом в % от опрошенных)

Рисунок 16. Актуальность этнической идентичности

Но российским политикам вместе с экспертным сообществом было на что опереться в поддержании межэтнического согласия. Ресурсом оставалась историческая память о едином для народов государственном пространстве: она была закреплена в Конституции: «мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле... сохраняя исторически сложившееся государственное единство... принимаем Конституцию Российской Федерации» [Конституция Российской Федерации]. Сейчас, когда в условиях политизации идентичности в предвыборной борьбе обсуждалась идея фиксации идеи русского народа как государствообразующего⁶ и в публичном пространстве реально

⁶ Об этом писал в предвыборной статье В.В. Путин, 23 января 2012 г. В апреле 2011 г. было вынесено решение Русского Собора по этому вопросу.

выстраивается иерархичность населяющих страну людей, разнообразных по своей этнокультуре, нам представляется особенно важным учесть реальные социальные практики, в том числе и представления людей.

В ходе исследования ИС РАН задавался вопрос «какая идея могла бы сегодня вдохновить людей, сплотить их во имя общих целей». Среди идей, набравших более 10% выборов, самой распространенной была «идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы» – 42%. Все другие такие как: «идея правового государства», «решение глобальных проблем», «объединение славянских народов», «возвращение к социалистическим идеалам» набирали 13–38 процентов. При выборе акцент был сделан именно на единстве, поскольку идея особой исторической миссии поддержана была всего 9% респондентов.

Конструктом, который выстраивался более десятилетия в 2000 гг. (а заложен был еще раньше, в ельцинские времена), была идея российской идентичности: она должна была стать идентичностью людей, осознающих себя гражданской нацией.

Понятие «государственно-гражданская» или «национально-гражданская идентичность» достаточно новое для нашей публичной сферы, да и российской научной литературы. Новое, потому что исторически сложилось в России понимание «нации» как этнокультурной общности. И только в постсоветское время стали употребляться такие понятия как «государственная идентичность», «россияне», «российская идентичность». Был поставлен вопрос (В.А. Тишков), а затем в политический и научный лексикон вошло понимание «нации как граждан государства», как понимается оно во Франции, Великобритании, США. За этими инициативами был политический смысл.

Если под «нацией» понимается государственная общность, то снимется или во всяком случае подрывается в законодательном пространстве право наций как этнокультурных, этнических образований на самоопределение, вплоть до образования самостоятельного суверенного государства. Право на суверенитет в таком случае закрепляется за государственной (российской) общностью, отсюда акцент в дискурсе власти на политическую нацию.

Выступая с посланием Президента Федеральному собранию в 2000 г. в таком значении понятие «нации» употреблялось 10 раз, а в 2007 г. – 18. Идеолог президентского окружения того времени В. Сурков открыто говорил: идет «информационная борьба», «борьба за умы». «Вопросы самообразования, вопросы терминов, вопросы производства образов – это признак действующей нации». Нужно самим производить «образы и смыслы» и «... у нас должна быть своя версия политического языка» [Сурков 2006]. Но, как хорошо известно и социологам, и политологам, для того чтобы довести идеи, смыслы до массового восприятия, надо распространять их, учитывая «здравый смысл», то есть через такие образы, высказывания, которые могут быть поддержаны теми, на кого они рассчитаны, создавая впечатления, будто они и сами так думают [Павловский 2006, с. 74]. И надо сказать, что и Президент РФ, и его ближайшее окружение не только учитывали это в высказываниях, но и принимали очевидные усилия для формирования образа России, идентичности россиян через эффективные каналы.

Естественно, проводя исследование по итогам 20 лет реформ, нам интересно было посмотреть, как среагировало массовое общественное сознание на конструируемые идеи. Ведь не только этническая идентичность, но и идентичность политической нации может быть как нормальной, позитивной, так и гиперболизированной, болезненной. Об этом в связи с рассуждением о национализме писал Майкл Линд;

о наложении этнической и гражданской модели национализма и даже возможности со временем изменения их значения на примере Франции и Германии писал в 1990-е гг. и Р. Брубейкер [Lind 1994; Brubaker 1992]. В связи с этим встает вопрос о смысловой нагрузке каждой из анализируемых идентичностей⁷, и целесообразно его обсудить на новом материале в меняющемся социально-политическом контексте.

Мы не случайно обращаемся именно к этому понятию – «государственно-гражданская, национально-гражданская идентичность», которое включает не только лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды разочарования, пессимизм или энтузиазм). Так же как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний).

Политические, социально-культурные, экономические изменения в обществе находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в идентичности судят о направлениях в развитии общества, но и сама идентичность, ее характер, масштабность, интенсивность способствуют ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии. Именно с этих точек зрения мы постараемся рассмотреть идентичность россиян как ресурс государства и общества и в то же время как некий барометр их изменений.

Государственно-гражданская идентичность редко рассматривается в соотношении с такими групповыми идентичностями как социальные, и даже поколенческие, и намного чаще сравнивается с региональными и этническими, так как имплицитно предполагается, что именно они способны «противостоять», подпитывать сепаратизм территорий. Поэтому именно на соотношение государственно-гражданской идентичности с последними обращается особое внимание.

Понимая, что современная идентичность россиян – сложный конгломерат новой российской идентичности, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей, фокус внимания мы сосредоточиваем на рассмотрении позитивной совместимости национально-гражданской и этнической идентичности.

Исследованием ИС РАН зафиксировано широкое распространение российской идентичности: свыше 90% идентифицируют себя с гражданами России. Примерно такие же высокие показатели были зафиксированы в 2008 г. в совместном исследовании ИС РАН (ресурсная группа: Л.М. Дробижева, М.Ф. Черныш, А.Е. Чирикова) и Межрегиональных исследовательских центров (МИОНов) в Свердловской, Томской, Воронежской областях – 90-95%, в Новгородской, Саратовской области – свыше 80%. В Европейском социальном исследовании, выборка которого более широко охватывает южные и дальневосточные районы, идентифицировали себя как граждане России 64% в 2006–2010 годах. Судя по последним опросам, это довольно значимое чувство. Во всяком случае, в исследовании 2011 г. ИС РАН 72% респондентов ответили, что «испытывают ощущение сильной связи с гражданами России». Но при этом респондентов, у которых сильна связь и с гражданством и с этничностью – больше половины – 60%. А когда респондентов просили ответить, кем они себя больше чувствуют – россиянином или человеком своей национальности, последних оказалось меньше – больше россиян,

⁷ Об этом нам уже приходилось высказываться – см.: [Дробижева 2006].

но четверть русских ощущают себя в равной степени и тем и другим, а среди татар, башкир в республиках таких людей еще больше (рисунк 2). Таким образом, идентичность наших граждан совершенно очевидно множественная, она динамичная, и у большинства – балансирующая в зависимости от этноконтактной среды и социально-политической ситуации.

Рисунок 2. Мягкая балансирующая идентичность

Теперь посмотрим на результаты исследований с точки зрения возможности ответить на вопросы, которые поднимались М. Линдом, Р. Брубейкером (см. выше), а в России – Л. Гудковым [Гудков 2004] – «какая она, наша идентичность». Пока практически у половины населения, а в районах широкого повседневного общения и намного больше, сохраняются солидарные установки в представлении о России как общем доме для многих народов (рисунк 3).

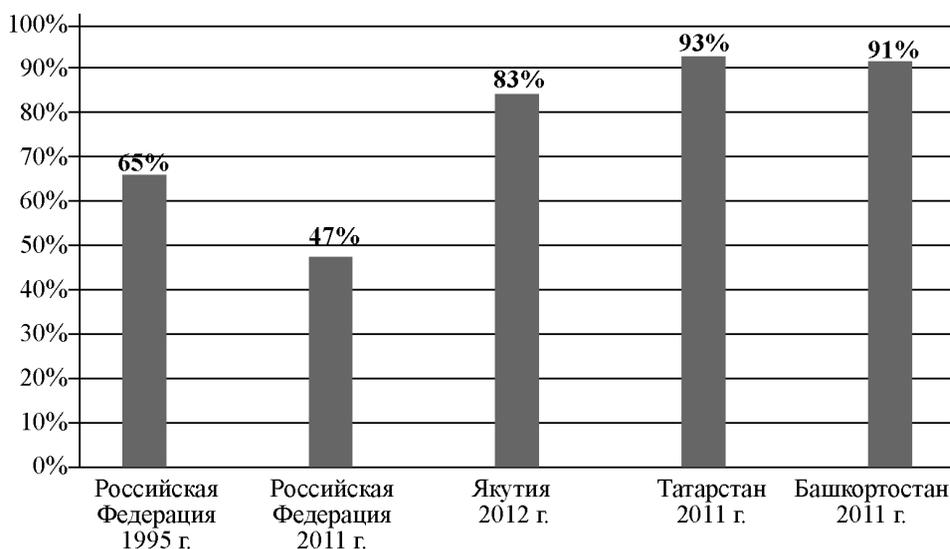

Рисунок 3. Россия – общий дом для многих народов, все народы России должны обладать равными правами (в % от опрошенных)

Достаточно высок уровень признания интересов народов, дающих названия республикам, общий взгляд на сложившееся федеративное устройство страны и желание жить вместе на основе добровольности. 64% русских считают, что народы, которые не хотят мирно жить вместе, могут иметь право выхода из Федерации.

Дело в том, что среди самых исследователей нет единства в интерпретации нашей Федерации. Некоторые именуют ее этнической, потому что исторически она создавалась как Союз республик, получивших название по национальности, составляющей, как правило, большинство, хотя они не были мононациональными. После распада Союза все республики в самой Российской Федерации являются полиэтническими и их Конституции, принятые уже после Российской Конституции 1993 г., провозглашены от имени граждан, живущих на их территории, а не «титულიной» национальности. К тому же субъектами нашей Федерации являются отнюдь не только республики, но и края, области, автономная область и автономные округа – все они провозглашены как равноправные субъекты еще по Федеративному договору 1992 г., так что **де-юре** называть Федерацию этнической нельзя, да и **де-факто** наименование не корректно. Но по традиции, республики и сейчас называют национальными, особенно в самих республиках. Исследователи же, которые видят одной из причин развала Союза – федеративное устройство с учетом этнического фактора, упорно именуют саму Федерацию этнической. При этом, естественно, политизируется этнический фактор, ставится вопрос о целесообразности федеративного устройства вообще (ЛДПР), о создании российской республики, самоопределении русских. В результате политизации этого фактора в предвыборной кампании 2011–2012 гг. В.В. Путин в статье «Россия: национальный вопрос» особо остановился на этой проблеме, напомнив, что Россия «исторически не этническое государство», и, назвав русских «стрежнем скрепляющим ткань» социума, он констатировал, что «русский народ давно самоопределился» и определил «насквозь фальшивыми разговоры о праве русских на самоопределение», которые могут привести к уничтожению собственной Родины [Путин 2012]. Президентский ответ, таким образом, обращен по большей части к политикам и националистам, а массовое общественное мнение оказывается спокойнее, а порой просто мудрее и рациональнее.

Именно такой подход определяет повседневную практику отношений в поликультурном пространстве. Готовность к общению с людьми иной национальности, по данным исследований ИС РАН, мало менялась, но она была различной в конкретных сферах жизни (рисунок 4). В наиболее близкой в семейной сфере доброжелательные установки встречались реже – 40%, а к дружескому общению готовность больше. Если брать совокупность тех, для кого национальность имеет значение в разных сферах общения, это примерно 30% респондентов.

Ощущали межнациональную напряженность в своем городе, районе по данным Левада-Центра в 2006–2010 гг. 26–30% [Общественное мнение 2010, с. 190].

Таким образом, значимый резерв межнационального согласия еще есть. К этому можно добавить, что 89% респондентов заявляет, что «насилие в межнациональных отношениях недопустимо». Среди забот, которые осознают люди, наличие межнациональных противоречий отметили 9% и эти заботы были на 14 месте из 20 перечисленных. Рост нерусского населения в традиционно русских областях, как заботящую проблему, назвали 14,%, и этот фактор был на 13 месте (рисунок 5).

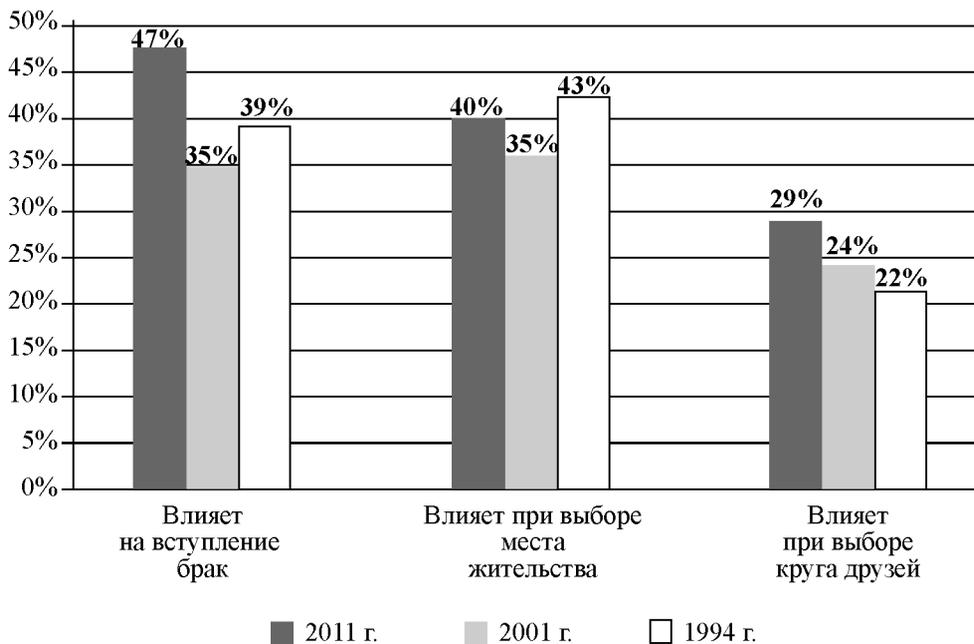

Рисунок 4. Влияние национальности человека на отношение к нему (1994–2011 гг.)

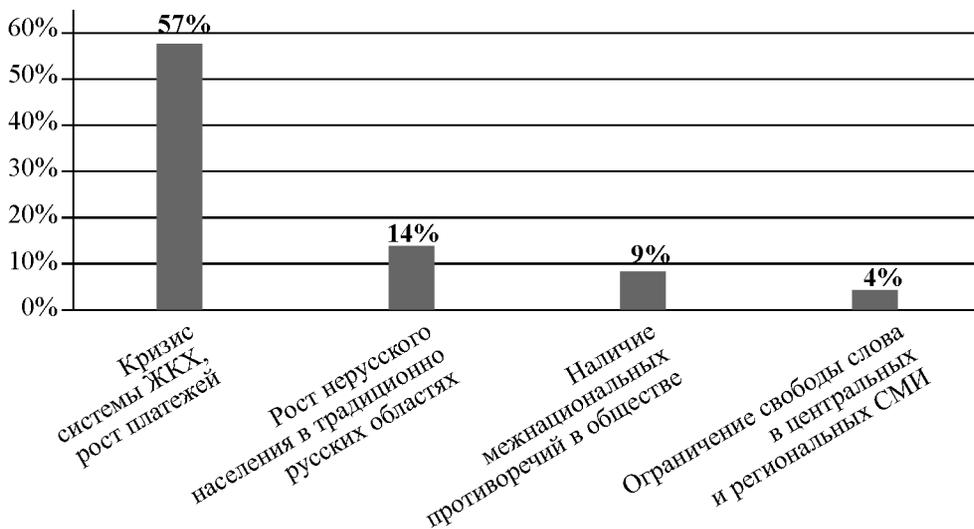

Рисунок 5. Межнациональные отношения как осознаваемые заботы людей (из 20-ти позиций вызывающих тревогу) (% от опрошенных)

Но все же среди ухудшений в различных сферах жизни в 2000-е гг. 47% респондентов упомянули межнациональные отношения (рисунок 6). Таким образом, ресурс межнационального согласия сохраняется, он поддерживается, главным образом, за счет рациональности людей в повседневной жизни, социальной практики, и если вернуться к полученным статистическим показателям оценок, то чаще всего он колеблется в пределах 47–50%, а в некоторых случаях и более. Подвижнее этот ресурс в сфере политических оценок и ориентаций.

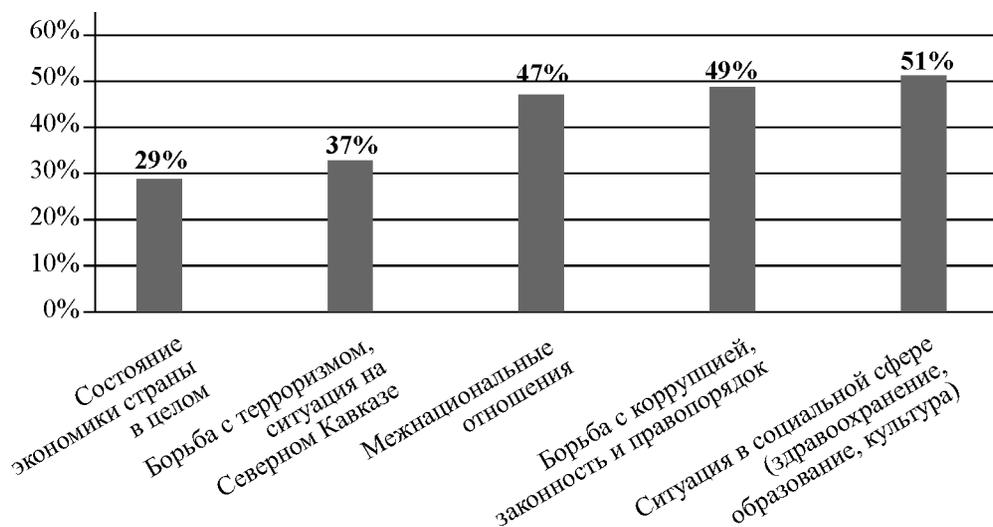

Рисунок 6. Оценка ухудшения дел в различных сферах жизни российского общества (2011 г.)

Но оценить в целом состояние и в какой-то мере перспективу в межэтнических отношениях можно только в том случае, если представить положение с этнической нетерпимостью.

Этноцентризм и этноизоляционизм

Этноцентризм понимается и как узость во взглядах на мир – «восприятие идей и практик других культур в терминах собственной культуры» [Гидденс 2001, с. 622], и как мнение, суждение, несправедливо оценивающее другие культуры, в стремлении к замкнутости, нежелании общения с другими. Иногда этноцентризм и этноизоляционизм объясняют или называют «ксенофобией». Но ксенофобия – страх по отношению к другим, т.е. психологический феномен. Однако этноцентризм (во втором значении), а тем более этноизоляционизм, не просто реакция на иное или иное, а сформированные какой-то частью общества, системой коммуникации, элитами, властью, отношения, установки, готовность действовать, ориентации. И ксенофобия, даже как обозначение этнических предубеждений, тоже не спонтанно возникающее чувство, а, как правило, результат конструируемых восприятий.

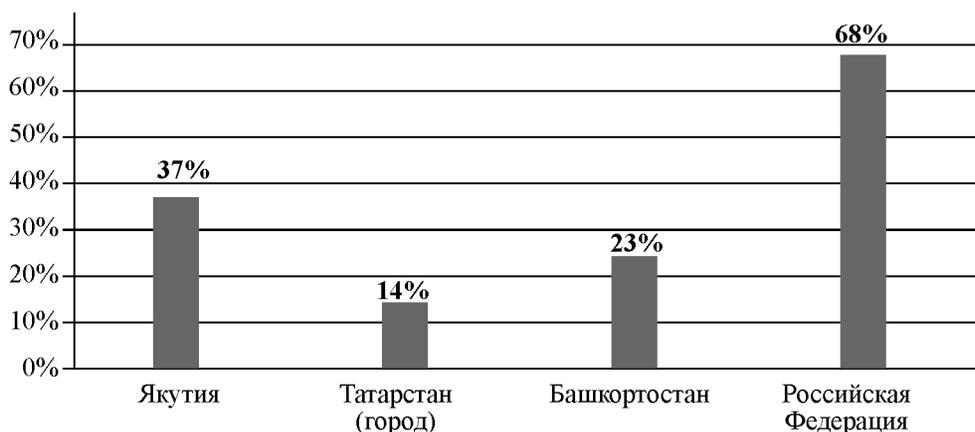

Рисунок 7. Испытывают раздражение к представителям других национальностей

В исследовании 2011 г. ИС РАН доля испытывающих раздражение к представителям других национальностей оказалась довольно высокой – 68%. Левада-Центр, регулярно проводящий исследования межнациональных отношений, фиксировал, что враждебность со стороны людей других национальностей чувствовали часто и довольно часто в 2006–2010 гг. 10–16%, а 26% – редко. А сами респонденты испытывали такие чувства часто и довольно часто 10–19%, а редко – 30–25% [Общественное мнение 2010, с. 90].

Таким образом, 10–19% – группа риска, а четверть респондентов, установки которых можно отнести к балансирующим, неустойчивы в отношениях, и их ориентированность может меняться. По результатам исследования в республиках людей, испытывающих раздражения к людям других национальностей меньше (рисунок 7), и это как раз может быть следствием как длительного повседневного общения, которое стало восприниматься как привычная необходимость, а порой и заинтересованность во взаимодействии, так и результатом образца поведения, которое задается властью. В республиках могут учитывать и опыт последствий межэтнических напряжений и реальных конфликтов и, наконец, там меньше инонациональных мигрантов, прибывших за короткое время, как это наблюдалось в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и других крупных городах, где население было вынуждено быстро приспосабливаться к новому этническому окружению.

В целом по стране 28% открыто присоединились к мнению: «многонациональность, скорее, проблема, чем преимущество для страны» (в республиках меньше: например, в Башкирии – 10%).

Мы уже обращали внимание читателей на то, что самосознание русских актуализировано и этноизоляционистские установки стали открыто проявляться чаще в последние годы. По данным опроса 2011 г. стало очевидно, как выросла доля людей с такими установками в сравнении с 1990-ми годами. В 1995 г. с мнением «Россия должна быть государством русских людей и русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа в целом» согласились 25% опрошенных, в 2001 г. – 32%, а в 2011 г. – 45%. С мнением «Государству следует поддерживать в первую очередь культуру

и религию большинства населения страны – русских» согласилось 64% русских (среди русских, живущих в республиках, и среди других национальностей таких людей меньше).

Наиболее радикально настроенные полагают, что государственное устройство должно быть изменено. С мнением Жириновского упразднить деление России на республики выразило согласие 42 процента. Левада-Центр неоднократно получал данные также о поддержке идеи «Россия для русских»: ее поддерживали до 50–56% населения.

Этот лозунг, исторически восстановленный КРО (Конгресс русских общин под руководством Д. Рогозина), по-разному понимается респондентами. В ходе глубинных интервью с респондентами в республиках мы фиксировали, что часть населения ассоциирует этот лозунг просто с констатацией того факта, что «в России живут русские, конечно, и страна, природа, богатства ее для русских людей». В одном из регионов России с высокой контактностью разных культур – в Большом Сочи – Отдел этносоциологии ИС РАН проводил исследование, в вопросном листе которого вопрос был сформулирован иначе, более жестко «Согласны ли Вы с лозунгом «Россия только для русских?»; согласившихся было 15 процента.

С этим лозунгом выходят демонстранты на «Русский марш». В 2011 г. по официальным данным участие в нем приняли 10 тыс. человек. По опросам того же Левада-Центра, **в целом по стране**, поддерживали проведение «Русского марша» в декабре 2010 г. определенно одобрительно – 8%, и, скорее, одобрительно – 20%, т.е. не более 28 процентов. Правда, в 2007 г. поддерживающих было 17% [Общественное мнение 2010, с. 193].

Настроения этноцентризма есть и в других странах, особенно с увеличивающимся притоком мигрантов. Эти настроения учитывают и политики: неслучайно в предвыборную программу Президент Франции Н. Саркози включил наведение порядка с принятием иммигрантов. Мадам Ле Пен, декларирующая «Франция для французов», набрала 18% голосов в первом туре. Все вроде бы очень похоже, только надо учитывать, что во Франции французы не этническая, а гражданская общность и национализм французских правых – это как раз пример того, как гражданский национализм тоже может иметь изоляционистский смысл (о чем и предупреждал Майкл Линд).

Сравнение с французскими правыми заставляют нас вспомнить и об уроках нашей собственной истории. Идеологема «Россия для русских» появилась в 1870–1880-е гг. в условиях торможения реформ Александра II. В идеологии она основывалась на концепции особой судьбы России Н. Данилевского (он тогда опубликовал книгу «Россия и Европа») и учитывалась при конструировании теории официальной народности графа Уварова. Все либеральные реформы тогда назывались чуждыми. В начале XX в. формулировку «Россия для русских» использовали русские националисты, и реализация ее совпала с ужесточением общего политического режима в стране, особенно в беспокойных областях империи – Польше, Финляндии, Украине. Чем все это кончилось, мир увидел, когда к власти пришли большевики. Польша и Финляндия отделились, а в Украине создали свое правительство⁸. К сожалению, мы не всегда учимся на уроках истории.

⁸ Подробнее см.: [Соколов 2012].

Возвращаясь к анализу результатов исследований, подведем некоторые итоги. Отдельные этноизоляционистские установки у наших респондентов доходили до 50%–60%. Но при более жестко поставленных вопросах или с учетом контрольных вопросов, они балансировали в пределах 15%–30%. Остается выяснить потенциал радикализма.

Пороги межэтнического согласия

Как известно, установки не всегда реализуются в действиях людей. Тот или другой вид действий зависит от обстановки, складывающейся для человека и его единомышленников. Мы провели выше данные о том, что абсолютное большинство наших респондентов высказывались против использования насилия (напомним, 89% по общей выборке в РФ, 81–88% в городах Татарстана и в Башкортостане, 76% в Саха (Якутии)). А теперь сравним их с мнением тех же респондентов, но в конкретных неблагоприятных условиях (*рисунок 8*).

Рисунок 8. Предел нетерпимости

Половина опрошенных изменили свое мнение, особенно когда дело касалось «нарушения интересов моего народа»; с нарушением справедливости также не хотят мириться, готовы защищать ее любыми способами. Причем в республиках немного осторожнее относятся к выбору средств, а в районах с доминированием русского населения – решительнее.

Русские (также как и люди других национальностей) считают несправедливым дискриминацию, различные обиды, ущемления: людей с такими ощущениями по данным Левада-Центра было 33–30% (на 2006–2007 гг.). Конкретные проявления таких ущемлений перечислены в *таблице 1*, куда включены проблемы, набравшие более 20 процентов.

Таблица 1. В чем, по Вашему, состоят дискриминация, ущемления, обиды?
(ответы ранжированы по первому замеру)

№.№		2006 ноябрь	2007 апрель
1	Больше торгуют на рынках и не пускают торговать местных жителей	63	45
2	Не чувствуют благодарности за то, что живут на русской земле	45	36
3	Оскорбительно ведут себя по отношению к русским	44	42
4	Не проявляют к русским достаточного уважения	40	56
5	Нарушают наши обычаи	28	38
6	Имеют возможность покупать лучшее жилье	26	26
7	Имеют больше своих людей в милиции, правоохранительных органах	24	32
8	Имеют большой доступ в структуры высшей власти	20	26

Как видно, у людей превалирует психологические причины: их набирается слишком много, именно поэтому добавление еще каких-то обстоятельств, например, несправедливости на выборах, решение важных вопросов без участия заинтересованных людей, может быть достаточным, чтобы стимулировать радикальные действия. По данным исследования ИС РАН, «желание перестрелять всех взяточников и спекулянтов, из-за которых жизнь в стране стала такой, какова она сейчас», выразили 68%; среди них, тех, кто считает, что «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет» было 74%; согласны с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа» и одобрили бы принудительное выселение мигрантов – 50–53%; и радикально настроенных, то есть полностью согласных с такими действиями тоже немало.

Радикализм и готовность к агрессии чаще проявляется в отношении к иммигрантам русскими (рисунк 9).

Надо сказать, что в распространении радикальных антимигрантских настроений Россия не одинока. По данным ESS (2010 г.) уверенно одобряющих выселение в РФ – 21% (таблица 2). В Израиле, Венгрии, Португалии их, как видим, не меньше. Казалось бы, чаще всего такие установки мы фиксировали в странах с высоким приток мигрантов, но Германия – страна с высоким притоком мигрантов – в число стран с радикально неблагоприятными установками не вошла, а вошли государства, где благополучия в силу сложности внутренней ситуации было меньше.

Таблица 2. Изоляционизм в отношении иммигрантов

Никому из мигрантов не разрешать въезд в страну (ESS 2010 г.)	
РФ	21,7%
Израиль	33,2%
Венгрия	32,1%
Чехия	24,4%
Португалия	22,6%
Эстония	16,6%

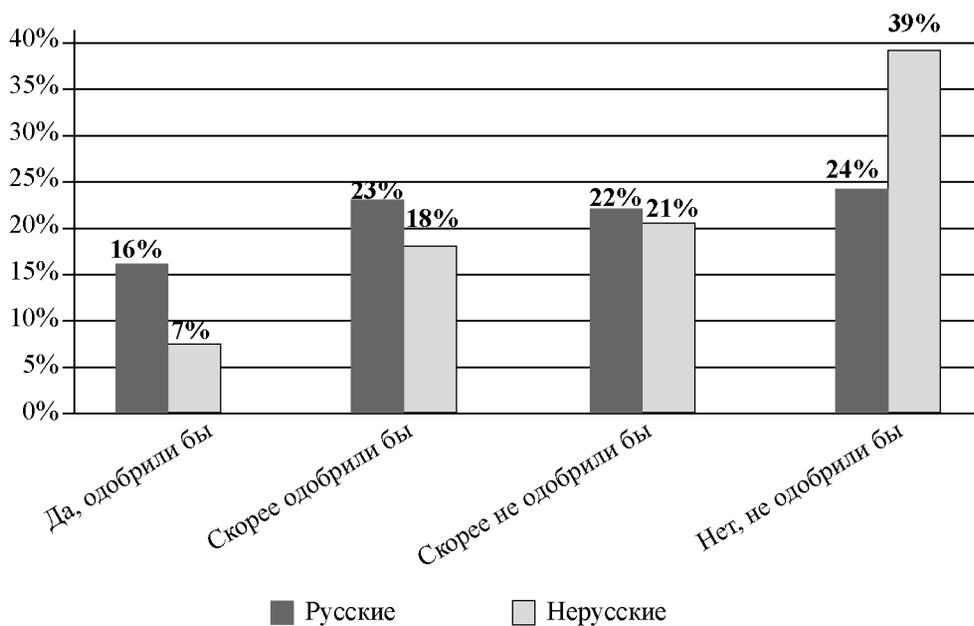

Рисунок 9. Одобрение/неодобрение принудительного выселения представителей каких-то национальностей из города (села) проживания

Исследование 2011 г. ИС РАН показывает, что отношение к иммигрантам совсем мало варьирует по возрастным группам, но немного заметнее в малообеспеченных слоях и особенно сильно различается в поселениях разного типа; в неблагоприятную сторону значительно склоняются показатели по мегаполисам (рисунок 10).

Не переоценивая положительную ситуацию с межнациональными установками в республиках (естественно, речь может идти о тех, в которых нами проводились исследования), все же очевидно, что радикализм в этнонациональной сфере чаще предположительно ожидать в мегаполисах. Главные просчеты можно допустить, если забыть, что есть пороги, переступив которые поддержать баланс согласия–несогласия, придав ему позитивное направление, уже нельзя.

Как мы видим, ресурс согласия – это уверенные установки людей на позитивное взаимодействие, сохранение представления о России как общем доме, о том, что «все народы России должны обладать равными правами»: «идея единения народов России» поддерживается 42–47%, еще выше доля людей, для которых национальность человека не имеет значение при выборе друзей и для которых «многонациональность страны, скорее, преимущество, чем проблема» – 67 процентов. Трудность состоит в том, что примерно в тех же пределах колеблется и доля тех респондентов, кто полагает, что «Россия должна быть государством русских людей», «надо упразднить деление России на республики», «все средства хороши для защиты интересов моего народа», «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа» – 41–45 процентов.

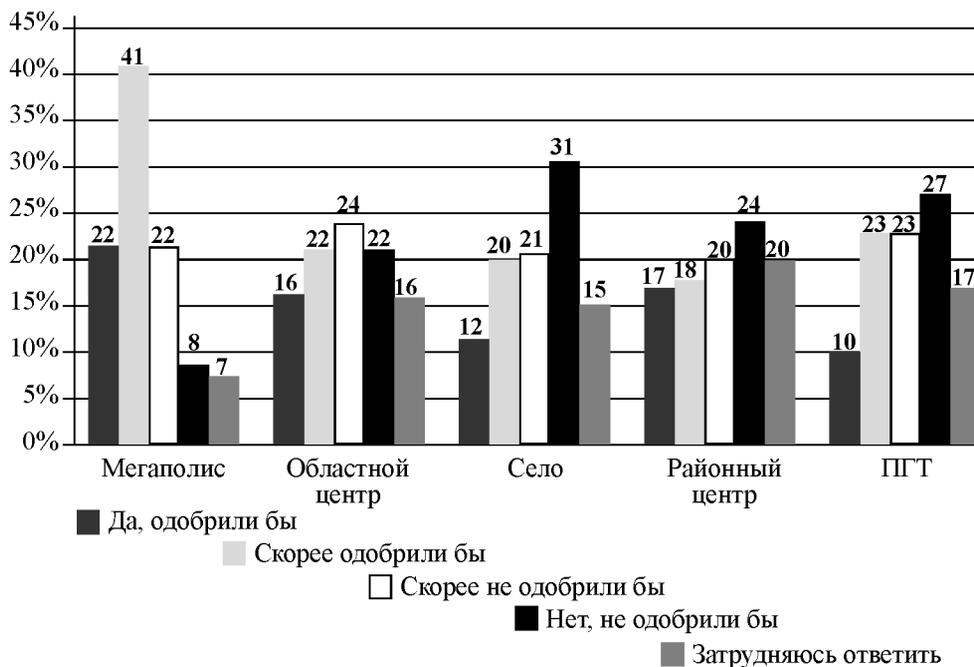

Рисунок 10. Одобрение/неодобрение респондентами различных социально-демографических групп принудительного выселения представителей каких-то национальностей из города (села) проживания, в %

Совмещенные установки рисков у респондентов колеблются при разных сочетаниях в пределах 15–30 процентов.

Анализируя баланс и пороги нетерпимости, мы лишь определили и попытались оценить отчуждение в повседневном поведении людей, но это только одно поле действий. Есть и другие поля, где формируются готовность к действию, установки, ориентации. К таким полям относятся институты, идеологии, политики, государство:

- важнейшие институты – это, прежде всего, семья, сфера образования (школы, ВУЗы), издательства, СМИ;
- идеологии – это системы идей, задаваемых лидерами, идеологами, элитами, производство символов формируемых конструкторами через различные институты. Здесь идет войны исторической памяти, рождаются герои и идолы, определяются цели и образы государства и общества;
- государство и политика – это те поля, где оформляется доктринальное пространство и закрепляются идеи, формулировки, имеющие правовое и символическое значение, определяются механизмы реализации прав и обязанностей.

Каждая из этих сфер требует специального анализа, и в рамках данной статьи можно кратко остановиться лишь на наиболее оперативных шагах, которые под-сказывает ситуация с имеющимся балансом согласия и нетерпимости.

Совершенно очевидно, что нельзя потерять накопленные в идеологии и повседневных представлениях людей багаж, позволяющий укрепить гражданскую идентичность («мы граждане России» – политическая, гражданская нация). И то, что в программной президентской статье не актуализирована эта тема, приходится только сожалеть. Правда, говоря о празднике 4 ноября, В.В. Путин упомянул: «мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации», но праздник-то символический, мало признаваемый, а если признаваемый, то чаще националистически ориентированными объединениями. В связи с этим абсурдно выглядит сказанное на многомиллионную ТВ-аудиторию «Первого канала» (01.04.2012 г.) **гражданином Гордоном** определение слова «россияне» – как преступное. Вызывающими воспринимались слова С. Говорухина, совершенно неуместно назвавшего это слово «поганым словом». «Гражданская нация» и «российская идентичность» при надлежащем разъяснении вполне способны объединять людей. «Русскими» все люди других национальностей называть себя не смогут, хотя и не стоит отказывать в этом праве кому-то так себя определять.

Нельзя потакать идеям интерпретирующим Россию как мононациональное государство. Президент ответил ее сторонникам: «Историческая Россия – не этническое государство... государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания... сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими». Только такой подход способен снимать изоляционизм как большинства, так и у людей других национальностей. Проявляя лояльность к конституционной формулировке «мы – многонациональный народ», которая, кстати, как показывают опросы, принимается значительной частью населения, противоестественно выстраивать иерархию людей, различающихся этнокультурой спецификой или, как бы сказали в недавней терминологии – иерархию народов, за что критиковали советскую власть. И если признаем такую иерархию негуманной или нежелательной, доставшейся нам от советского прошлого, то как же выделять один государствообразующий народ, о чем ратуют русские радикально настроенные идеологи? Государство образуют граждане, а гражданами страны являются люди разных национальностей, живущие на ее территории.

Противоречивыми были мнения наших респондентов о государственном устройстве России⁹. Но совершенно очевидно, что абсурдно идти на поводу у Жириновского и превращать вопрос о федерализме в политический торг. Управление такой большой и сложной страной как наша без достаточного учета местных особенностей будет не эффективным, как считают специалисты. Мы же можем добавить, что в силу исторических обстоятельств федеративное устройство стало неким символом выражения и местных интересов, и многонациональности состава нашей страны: федерализм у нас в значительной мере имитационный [Дробижева 2005], но и он имеет значение для поддержания межрегионального и межэтнического согласия в государстве.

В ответ на декларирование государством поддержки «культур народов» многие русские тоже стали разделять идеи о том, что они «должны иметь больше прав» (45%), «государству следует поддерживать культуру и религию большинства» (64%). Нам уже приходилось высказываться о том, что на самом деле за этими настроениями могут скрываться не только стремления к культурном при-

⁹ 42% русских высказались за упразднение республик (27% среди других национальностей), но 73% за сохранение автономии республик (среди других национальностей – 79%)

оритету, а и более сложные, порой радикальные идеи о несовместимости культур, цивилизаций, необходимости некоего этнического баланса [Дробижева 2011]¹⁰. В западном научном сообществе их бы квалифицировали как культурный расизм, нам же важно донести до массового общественного мнения и власти, что за этими высказываниями, идеями кроется недовольство статусом, ощущение недостаточного участия во власти, в решении конкретных дел в центре и на местах. Поэтому сводить меры поддержания межэтнического согласия к финансированию культурных акций, фестивалей, выставок не будет достаточным ни для русских, ни для людей других национальностей.

Даже такой маркер как язык не является чисто культурным. Знание или незнание русского языка для людей разных национальностей в России – дорога или преграда в образовании, доступе к престижным местам, что, как правило, интерпретируется как исключение. Незнание «титального» языка в республиках для русских – преграда к участию в верхних эшелонах власти, а в каких-то случаях и к собственности, что тоже может связываться с дискриминацией. Из-за нежелания будировать общественные настроения мы не называем этих слов, но в глубине-то души люди об этом думают. Как установил опрос на Болотной площади, не более 6% поддерживало идеи националистов, но, судя по «Русскому маршу», латентных сторонников у них больше. Тем более сами государственные структуры или близкие к ним эксперты не должны выстраивать дополнительные этнические границы (по Ф. Барту). Так, не будет способствовать согласию поддержание одного мифологизированного единства, например, славянских народов и при этом превращение в угрозу для безопасности страны других, например, финно-угорских, деление людей на местных-неместных, азиатов и т.п.

Актуальными останутся усилия, направленные на адаптацию населения к поликультурности окружающего пространства. Въезжающих на «джипе» в Александровский сад полиция обязана привлечь к ответственности, а общественность должна осудить. Но, например, этнодансинг принят был и у нас в прошлом и по всему миру. Танцы многих народов можно было видеть на демонстрациях как в Москве, так и в других городах страны и теперь запреты будут восприниматься как исключение тех, кто захочет станцевать чечетку или лезгинку.

Символические заявления власти о «единстве, равенстве народов» не должны расходиться с тем, что видят люди в практике повседневной жизни, иначе это будет вызывать недовольство существующей системой и тогда не избежать солидаризации против проявления беззакония, несправедливости, неравенства.

Литература

- Гидденс Э. (2001) Социология. М.
Гудков Л. (2004) Негативная идентичность. М.
Дробижева Л.М. (2005) Изменение социального ресурса российского федерализма в середине десятилетия 21 века // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2005. М.
Дробижева Л.М. (2006) Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. Отв. ред. В.С. Магун. М.

¹⁰ Такие идеи слышались на обсуждении в Московском Доме национальностей осенью 2011г.

- Дробижева Л.М.* (2011) Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 10. М. Конституция Российской Федерации // <http://constitution.kremlin.ru/>
- Медведев Д.А.* (2010) Выступление на совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики. 28.12.2010 г.
- Общественное мнение 2010. М.
- Павловский Г.* (2006) Обсуждение выступления В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров «Единой России» // Эксперт. № 9.
- Путин В.В.* (2012) Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012 г.
- Расизм в языке социальных наук (2002). Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.
- Соколов Н.* (2012) Россия для русских 17.02.2012 г. // <http://www.polit.ru/article/2012/02/17/sokolov>
- Сурков В.* Концепция суверенной демократии апеллирует к достоинству российской нации. Выступление на круглом столе «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность» // <http://www.edinros.ru/news.html?id=115114>
- Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Saford R.N.* (1950) The Authoritarian personality. N.Y.: Harper and Row.
- Brubaker R.* (1992) Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass.
- Lind M.* (1994) In Defense of Liberal Nationalism // Foreign Affairs. № 3.
- Pettigrew T.F., Meertens R.W.* (2001) In defense of the subtle prejudice concept: a retort // European journal of Social Psychology. Vol. 31.